

УДК 796.071.42

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БУТОВСКИЙ

Александр СУНИК

*Международное общество олимпийских историков
(ISOH), Ульм, Германия***ОЛЕКСІЙ ДМИТРОВИЧ БУТОВСЬКИЙ. Александр СУНИК.** *Міжнародне товариство олімпійських істориків (ISOH), Ульм, Німеччина*

Анотація. Пропонований читачеві текст присвячений Олексію Дмитровичу Бутовському – піонерів російського й українського спортивного та олімпійського руху. У статті висвітлено основні віхи життя й діяльності О.Д. Бутовського; охарактеризовано його праці, присвячені історичним, теоретичним, педагогічним проблемам фізичного виховання, гімнастики, спорту; історії зародження сучасних Олімпійських ігор і міжнародного олімпійського руху; висвітлено діяльність з підготовки офіцерських кадрів у сфері тіло виховання та роль О.Д. Бутовського в зародженні вітчизняної науки про фізичне виховання, гімнастику, спорт.

Акцентується увага читача на факті знайомства О.Д. Бутовського з П'єром де Кубертеном. Уперше в історіографії про О.Д. Бутовського наведено судження про те, як це знайомство позначилося на їх особистих долях.

Джерельна база роботи – прижиттєві праці О.Д. Бутовського; особливо важливе джерело – «Олімпійські мемуари» П'єра де Кубертена. Також використано періодичну пресу: частково загальна; переважно: педагогічної та фізкультурно-спортивної спрямованості, що видавалася на рубежі XIX – XX століть у Санкт-Петербурзі, Москві, Києві, Харкові.

Використано архівні матеріали та документи, що зберігаються в Центральному військово-історичному архіві – ЦГВІА (Москва). Використано також архіви «Олімпійського музею МОК» у Лозанні.

Ключові слова: Бутовський, персоналія, Кубертен, спорт, олімпійський рух.

(Продолжение. Начало в №1(11), 2013)

Свидетельством доверительных, дружеских отношений Бутовского и Кубертена является переписка между ними, завязавшаяся еще до Парижского конгресса 1894 года. Об этом Пьер де Кубертен писал в «Олимпийских мемуарах» (14. С. 33). Переписка продолжилась после Парижского конгресса; продолжалась и после того, как Алексей Дмитриевич Бутовский ушел в отставку с поста члена МОК.

В архивах «Олимпийского музея МОК» в Лозанне хранятся оригиналы писем генерала Алексея де Бутовского¹ к барону Пьеру де Кубертену: от 11 июля 1894 года; 19 февраля 1895 года; 5 октября 1896 года; 16 апреля 1910 года; **14 февраля 1911 года – уникальные свидетельства многолетней дружбы А.Д. Бутовского и Пьера де Кубертена (13).** Цитирую строчки из письма от 19 февраля 1895 года, свидетельствующие о теплоте их взаимоотношений. **«Господин Барон! – писал Бутовский, – прежде всего, примите наши поздравления, самые искренние поздравления – мои и моей жены – по случаю Вашего бракосочетания, которое, как мы думаем, уже свершилось. Мы желаем долгого, очень полного и спокойного счастья...»** (выделено мною – А. С.); (13). Письмо от 16 февраля 1910 года касалось подбора очередной кандидатуры члена МОК для России. Алексей Бутовский писал: **«Мой дорогой друг! (Выделено мною – А. С.). После долгих поисков я могу с чистой совестью рекомендовать Вам человека абсолютно достойного, чтобы стать членом Олимпийского Комитета в качестве представителя России. Я думаю, что Вы его знаете немного. Это господин Георгий Дюперрон, спортивный деятель, высокообразованный и очень воспитанный человек. Он сам Вам напишет, и я буду очень доволен, если благодаря моей рекомендации он будет принят в Комитет². Я очень доволен, что могу быть полезен Вам, и вообще тем, что не слабеют дружеские связи, которые объединяют нас так давно... От моей жены и меня наши самые лучшие пожелания. И примите заверения в моей самой искрен-**

¹ Алексей Дмитриевич Бутовский подписывал свои письма: – А. де Бутовский.

² Георгий Дюперрон избран членом МОК для России в 1913 году (выбыл из состава МОК в 1915 г.)

ней дружбе» (выделено мною – А. С.); (13). В последнем письме от 11 февраля 1911 года Алексей Бутовский писал: «Сейчас вопрос о кандидатуре в Комитет³ достаточно ясен для меня, и я не должен к нему возвращаться, каким бы ни было мое личное мнение по этому поводу. Я получил «Ежегодник» и получал регулярно журнал «Олимпийское обозрение». **Это внимание, а также благожелательный интерес в Ваших письмах я высоко ценю** (выделено мною – А. С.). Позвольте также сообщить о самых лучших воспоминаниях о госпоже баронессе де Кубертен. С самыми искренними чувствами. **А. де Бутовский»** (13).

***

Анализ биографии А.Д. Бутовского свидетельствует, что его жизнь была необычайно насыщенной, богатой разнообразными впечатлениями. Уже тот факт, что Бутовский побывал во многих европейских странах, говорит о многом. Следует, при этом, учитывать, что все зарубежные поездки А.Д. Бутовского – это служебные командировки по линии ГУВУЗа, маршрут которых, более чем, вероятно, определял сам Алексей Дмитриевич. Правомерно и предположение, что при выборе маршрутов Бутовский учитывал реальные обстоятельства, но руководствовался, в первую очередь, запросами практики и своими научными интересами. Очевидно и другое: все его поездки в европейские страны были сопряжены с высокой интеллектуальной нагрузкой: поиск источников, напряженная работа в библиотеках и читальных залах требовала немалых усилий. А.Д. Бутовский читал и перечитывал множество книг, в том числе и на иностранных языках; изучал множество документов, разнообразные материалы; анализировал, осмысливал, переосмысливал...

Можно не сомневаться: Алексею Дмитриевичу Бутовскому – натуре на редкость творческой – этот процесс был по душе: интересно было в Швеции, где он изучал шведскую гимнастику; в Англии – при изучении уникального английского опыта в сфере телесного воспитания и спорта; во Франции, где напряженная интеллектуальная работа увенчалась многообещающим знакомством с Пьером де Кубертенем...

И все же (высказываю собственную точку зрения), **наиболее захватывающей, впечатляющей зарубежной поездкой для Алексея Дмитриевича Бутовского была поездка в столицу Греции: ведь в Афинах Бутовский стал очевидцем рождения уникального в новой истории явления – современных Олимпийских игр. И рассказал об этом явлении так, как ни дин из очевидцев I Олимпийских игр современности.**

Чтобы лучше понять и оценить оригинальный труд А.Д. Бутовского о I Олимпийских играх необходимо осветить, хотя бы в самых общих чертах, ситуацию, которая сложилась в преддверии Афинской Олимпиады; коснуться «Международного Атлетического конгресса в Париже в июне 1894 года», на котором и родилась идея проведения в Афинах I Олимпийских игр современности.

Программа Парижского конгресса включала 10 вопросов, разделенных на 2 части: «Любительский и профессиональный спорт» – 7 вопросов; «Олимпийские игры» – 3 вопроса. Но уже в преддверии конгресса, и особенно в ходе его работы, стало очевидным: **вопросы, включенные во вторую часть программы, и есть квинтэссенция Парижского Конгресса.**

Торжественное открытие Конгресса состоялось 16 июня 1894 года, в субботу вечером в амфитеатре Сорбонны. Кубертен так описал это историческое событие: «Открытие, которое произошло в субботу 16 июня при почти двухтысячной аудитории и завершилось исполнением гимна Апполону, придало Конгрессу истинное значение: **Олимпийские игры вышли на первый план**» (выделено мною – А. С.); (14. Р. 31).

В стенограмме Конгресса отмечено, что на третий день работы – 18 июня – в соответствии с Программой были сформированы две комиссии. «**Комиссию Олимпийских игр**» возглавил делегат от Афинского Пангреческого гимнастического общества Димитрос

---

³ МОК.

Бикелас – он и предложил провести I Олимпийские игры современности в Афинах⁴. В заседаниях «Комиссии Олимпийских игр», как следует из протокола, принимал участие и Пьер де Кубертен. Предложение греческого делегата не отвечало замыслам Пьера де Кубертена. «Что до выборов Афин и даты 1896 год, – писал Кубертен в «Олимпийских мемуарах», – это не отвечало моим планам. Я рассчитывал открыть это в Париже в первый год XX столетия» (выделено мною – А. С.); (14. Р. 20).

Пьер де Кубертен сразу же оценил высокую целесообразность идеи председателя Комиссии провести I Олимпийские игры современности на родине древнегреческих Олимпиад и поддержал эту идею: **предложение Д. Бикеласа было принято единогласно.**

Единогласно «Комиссия Олимпийских игр» проголосовала и по параграфу «Периодичность», в котором рекомендовалось: «Комиссия высказывает пожелание, чтобы олимпийские соревнования проходили раз в 4 года. Дата первых соревнований назначается на 1896 год» (12).

23 июня 1894 года, в субботу, в лекционном зале «А» Сорбонны прошло заключительное заседание Конгресса, на котором с докладом выступил Пьер де Кубертен. В своем докладе он учел и идеи, предложенные Комиссией Бикеласа, и сформулировал следующие принципы: «Интервал 4 года, характер исключительно современных состязаний, не включение в Игры школьников, назначение Международного комитета, члены которого должны представлять олимпизм в своих странах» (выделено мною – А. С.); (14. Р. 20). Конгресс единогласно принял резолюцию, включавшую рекомендации Комиссии Бикеласа и предложения Пьера де Кубертена. «Решение о восстановлении Олимпийских игр было принято единогласно», – подчеркивал Кубертен (выделено мною – А. С.); (14. Р. 31). Единогласно были приняты решения о сроках и месте проведения I и II Олимпийских игр, и создании Международного комитета (МОК)⁵.

Вскоре после окончания Конгресса решил вопрос о руководителе Международного комитета. Пьер де Кубертен писал в «Олимпийских мемуарах»: **«Несколькими днями позже после закрытия Конгресса мы собрались: Слоан, Калло и я у Бикеласа, который имел временное жилище в Париже, ул. Вавилон. Это там было сцементировано здание С.И.О. Бикелас не хотел возглавлять собрание. Я имел идею мобильного президенства...»** (выделено мною – А. С.); (14. Р. 20). В соответствии с этим принципом **Международный комитет возглавляет представитель страны, в которой проходят Олимпийские игры. И потому первым президентом МОК избрали грека Димитроса Бикеласа, исполнявшего эти функции до 1896 года; в том же – 1896 году – президентом МОК был избран Пьер де Кубертен.**

Дальнейшая практика организации и проведения Олимпийских игр внесла коррективы в реализацию этого принципа.

...Известие из Парижа греческое общество восприняло с воодушевлением. Бикелас в письме к Кубертену от 4 октября 1894 года писал: «От Бриндиси до Афин все мои соотечественники говорят мне об Олимпийских играх с радостью» (выделено мною – А. С.); (14. Р. 23). Но ощущалось и беспокойство: ведь подобное мероприятие проводилось впервые;

⁴Отмечу: фамилия греческого делегата в стенограмме Конгресса с первой буквой «Б» – Бикелас (Bikelas); в «Олимпийских мемуарах» Пьер де Кубертен многократно приводит эту фамилию и неизменно: Bikelas... А.Д. Бутовский в книге «Афины весной 1896 года» фамилию первого президента МОК приводит также с первой буквой «Б» – Бикела (1. С. 25, 28, 29, 30). В данном тексте приведены ссылки на эти источники и потому: «Бикелас (Bikelas)»... Однако необходимо подчеркнуть: в ряде источников: Хавин Б. Всё об Олимпийских играх (М.: Фис, 1975, 1979); «Олимпийская энциклопедия» (гл. редактор С.П. Павлов. – М.: «Советская энциклопедия», 1980); Большая Олимпийская энциклопедия. Автор-составитель В.Л. Штейнбах. М.: «Олимпия Пресс», 2006 – фамилия первого президента МОК приведена с первой буквы V – Vicelas. Примечательно: улица в Афинах, на которой расположен Олимпийский комитет Греции присвоено имя «Dimitrios VIKELAS» (см.: International Society of Olympic Historians. – ISON Directory and Handbook, 2011, P. 60). Для меня осталось загадкой, почему такое разночтение с первой буквой фамилии первого президента МОК...

⁵Название МОК (I.O.C.) впервые в публицистический и научный оборот введено в 1898 году – на четвертом году деятельности этой организации

опыта в организации таких мероприятий еще не было; не было и места для проведения Олимпийских игр: на строительство стадиона необходимы были немалые денежные ресурсы. Были и другие, беспокоящие организаторов I Олимпиады, факторы.

Пьер де Кубертен в «Олимпийских мемуарах» в деталях воссоздал атмосферу, которая сложилась в Греции осенью 1894 года в связи с жаркими спорами о судьбе I Олимпиады. Кубертен вспоминал, что получил тогда письмо от влиятельного лица, который **«галантно приглашал меня не приезжать и отречься от моего олимпийского намерения»** (выделено мною – А. С.); (14. Р. 25). Сопротивление проведению Олимпийских игр в Афинах оказал и премьер-министр греческого правительства Трикупис. В «Олимпийских мемуарах» Пьер де Кубертен привел слова, сказанные ему в Афинах осенью 1894 года греческим премьер-министром: «Рассматривайте, изучайте, и я уверен, что вы уверитесь сами, что у Греции нет в данный момент ресурсов, необходимых, чтобы принять миссию, которую ей хотят вручить» (14. Р. 25).

Это не обескуражило сторонников идеи проведения I Олимпиады в греческой столице, тем более, что король Греции Георг, вся королевская семья были «за»⁶. Наследник престола, королевич Константин, указом короля был назначен председателем Оргкомитета Афинской Олимпиады...

Необходимо сказать и об усилиях, предпринятых в России и Украине для участия в Афинской Олимпиаде.

Очень ценны источники, проливающие свет на попытки российских активистов спорта принять участие в Олимпийских играх в греческой столице. В этом плане большой интерес представляет письмо А.Д. Бутовского к Пьеру де Кубертену от 19 февраля 1895 года, из которого следует, что Алексей Бутовский и Алексей Лебедев предпринимали попытки к созданию Олимпийского комитета России; надеялись, что Россия будет представлена на Олимпиаде отдельными спортсменами. Цитирую некоторые строчки из этого письма: «...Я получил все три посылки с «Бюллетенем»⁷, – писал А.Д. Бутовский, – и я их использовал для распространения идеи Олимпийских игр. Я должен, однако, сказать, что существует ещё большое безразличие у нас в России вообще к занятию физическими упражнениями. Наша пресса совершенно не расположена поддержать серьезно вопрос о физическом воспитании... При всех обстоятельствах я надеюсь, однако, на возможность создания Комитета Олимпийских игр. Ещё до получения Вашего письма мы изучили этот вопрос с господином Алексеем Лебедевым, который согласен оказывать мне содействие как член многих спортивных обществ... Как только наши хлопоты по созданию Комитета станут успешными, я тотчас же Вас проинформирую» (13). Но усилия А.Д. Бутовского и А.П. Лебедева желаемых результатов не дали⁸.

О предпринимаемых тогда попытках писал В.Н. Короновский. «Отдельные кружки в Петербурге пытаются начать подготовку, – читаем в его статье, – и мечтают послать своих представителей в Афины (кружок графа Рибопьера и Краевского и др.). Одесские спортсмены

⁶Премьер-министр Трикупис указом короля был смещен со своего поста. Судьба его сложилась печально. Пьер де Кубертен в «Олимпийских мемуарах» писал, что Трикупис «затаил злобу на Олимпийские игры настолько, что при приближении празднования он уехал в Ниццу. Там он вскоре умер. Новость эта пришла в Афины во время Игр, вечером, во время праздника, посреди блеска и иллюминаций» (14. С. 30).

⁷«Бюллетень МОК», который начал издавать Пьер де Кубертен.

⁸После Афинской Олимпиады – в 1897 году – уже трое: Алексей Буковский, Алексей Лебедев и Николай Риттер предприняли вторую попытку сформировать Олимпийский комитет. Но и эта попытка не привела к желаемым результатам. Лишь на рубеже первого-второго десятилетия XX века в России сложились реальные предпосылки для создания Олимпийского комитета: заметно расширилась география российского спорта, созданы Всероссийские лиги по некоторым видам спорта, накоплен опыт проведения всероссийских состязаний, межрегиональных спортивных контактов; расширилась и окрепла спортивная пресса. Необходимость создания Олимпийского комитета диктовалась и приближением Игр V Олимпиады 1912 года в Стокгольме, на которые Россия впервые получила официальное приглашение. И когда с очередной инициативой создания Олимпийского комитета выступили А.П. Лебедев, Г.А. Дюперрон, П.И. Лидваль и другие, их усилия увенчались успехом: Олимпийский комитет России сформировали в Санкт-Петербурге весной 1911 года. Председателем ОКР был избран В.И. Срезневский, его заместителями – А.П. Лебедев и граф Г.И. Рибопьер, секретарем – Г.А. Дюперрон (подробнее см.: 7. С. 376 – 390; 8. С. 417 – 432).

также начали готовиться и даже, если верить Северному телеграфному агентству (1896 год), послали своих представителей, но они доехали только до Константинополя...» (4. С. 216–217).

Необходимо сказать и об освещении **I Олимпийских игр современности** в российской прессе.

Анализ российской прессы за 1896 год показал, что пресса весьма оживленно комментировала это историческое событие (6). Оригинально откликнулись **«Харьковские губернские ведомости»**: в двух номерах газеты опубликован очерк «Древние Олимпийские игры» объемом **870 строк** (9). Очерку предпослано следующее вступление: **«Ввиду возобновления древних Олимпийских игр в Афинах стараниями международного атлетического общества (так безымянный автор именовал «Международный комитет» – А. С.) в первой половине апреля этого года, не лишены интереса описания этих великих исторических состязаний, возобновляемых в наши дни»** (выделено мною – А. С.). (10). Журнал «Циклист», издававшийся в Москве, посвятил Афинской Олимпиаде весьма обширные материалы, опубликованные в трех номерах журнала. Два обстоятельных репортажа об Олимпийских играх в греческой столице опубликованы в апреле 1896 года на страницах петербургского журнала «Велосипед» (5). Об Играх I Олимпиады писали московские и киевские газеты. «Петербургская газета» опубликовала интервью жителя Санкт-Петербурга, побывавшего в Афинах. Корреспондент газеты, взявший у него интервью, писал: **«На днях (апрель 1896 год – А. С.) русский молодой атлет-любитель, ездивший в Грецию со специальной целью присутствовать на первых возрожденных Олимпийских играх. Вчера этот, чуть ли не единственный русский очевидец крайне интересного зрелища, любезно поделился своими впечатлениями, рассказав целый ряд сцен из различных атлетических игр и состязаний...»**. Опубликованное интервью в полном объеме перепечатал журнал «Велосипед» (2). Безымянный автор газеты «Киевлянин», пророчески писал: **«...Открывается новая эра международных спортивных состязаний, которые станут со временем одной из мирных манифестаций и в которых наша эпоха нуждается более, чем когда-либо»** (выделено мною – А. С.); (3).

Все эти редчайшие публикации о I Олимпийских играх современности имеют непреходящее источниковедческое и познавательное значение, являются неотъемлемой частью отечественной историографии об Афинской Олимпиаде 1896 года.

***

...В год I Олимпиады современности численный состав МОК насчитывал **15** членов; **7** из них были в Афинах. **В этой семерке и Алексей Дмитриевич Бутовский**⁹. Замечу: он – самый старший по возрасту, но и самый внимательный, дотошный очевидец всего, что происходит в столице Греции в апреле 1896 года. Уже на исходе первого Олимпийского года из под пера А.Д. Бутовского рождается удивительный труд – **«Афины весной 1896 года»** – особенно ценный вклад в отечественную и мировую историографию о **I Олимпийских играх современности**¹⁰.

Замысел этой работы у А.Д. Бутовского зародился уже в Афинах под впечатлением увиденного, услышанного, прочитанного в прессе, других источниках, которые комментировали происходящее в греческой столице в апрельские дни 1896 года. А рождалось явление уникальное! Многое было абсолютно внове... И эту новизну, уникальность Алексей Дмитриевич Бутовский увидел, осмыслил, описал так, как ни один из очевидцев I Олимпиады современности.

Самые первые свои впечатления об Афинской Олимпиаде А.Д. Бутовский изложил в письме от 7 апреля (ст. ст.) 1896 года, которое процитировал В.Н. Короновский: «3 апреля, в

⁹ А.Д. Бутовский в Афинах был «в двух ипостасях»: члена МОК и официально представлял Россию на Играх I Олимпиады, командированный в столицу Греции ГУВУЗом (об этом есть запись в «ПОЛНОМ ПОСЛУЖНОМ СПИСКЕ А.Д. БУТОВСКОГО» – (11).

¹⁰ В работе Пьера де Кубертена «Олимпийские игры: 776 год до нашей эры – 1896 год», изданной в Париже 1896 году, об Афинской Олимпиаде сказано весьма кратко. (Отрывок из этой брошюры под названием «Как все начиналось», опубликован в Москве в издании «Спорт за рубежом», 1968 год, № 4).

среду, закончились олимпийские игры, – писал Бутовский. – Город понемногу приходит в будничные вид, снимают флаги, щиты, приспособления для иллюминации и пр. Но все разговоры вертятся только об играх и вероятно долго еще так будет, **потому что игры, по общему мнению, очень удались... В чем же состояла удача, в которой убеждены и участники, и зрители, и местная публика, и иностранцы? Прежде всего, она обусловилась грандиозным стадионом, вмещающим на своих ступенях свыше 50 тысяч зрителей, да по окружности своей до 30 тысяч. Во все время игр стадион был почти полон; следовательно, интерес публики, т.е. народа, был большой. Во-вторых, все иностранцы остались очень довольны отношением к ним греческого общества** (выделено мною – А. С.). Все принимавшие участие в состязаниях были приглашены на завтрак к королю, по примеру короля, все члены высшего общества наперерыв старались их приглашать. Они танцевали на балу у m-me Шлиман¹¹. Обедали почти у всех посланников и пр. Все это, конечно, способствовало очень благоприятным, иногда восторженным корреспонденциям во все концы света...» (4. С. 217–218)¹².

Вернувшись из заграничной поездки в июне 1896 года, А.Д. Бутовский тотчас же засел за работу: развивает мысли, изложенные в письме от 7 апреля, обстоятельно обобщает итоги Афинской Олимпиады. В Санкт-Петербурге у Бутовского возникли сложности с публикацией этой работы¹³. **Его уникальный труд «Афины весной 1896 года» издан в Москве, в декабре 1896 года в виде отдельного оттиска «Русского Обозрения» (1).** В этой работе, сравнительно небольшой по объему (**33 страницы убористого текста**), Алексей Дмитриевич Бутовский предстает как внимательный наблюдатель, глубокий аналитик, обладавший прекрасным пером ученого, публициста, просветителя.

В одной из публикаций, посвященных А.Д. Бутовскому, я назвал эту книгу **удивительной**. Так оно и есть. **Ведь это была первая и единственная на русском языке книга об Играх I Олимпиады современности.** Как много в ней уникальных деталей, подробностей: о программе, участниках, церемонии открытия, состязаниях, награждении победителей, многом другом. **Труд Бутовского интересен не только фактологией: бесценны его суждения, выводы, оценки, касающиеся различных сторон I Олимпиады современности.** По богатству фактов, оригинальности суждений и выводов труд А.Д. Бутовского (подчеркну вновь) не только в отечественной, но и в мировой историографии об Играх I Олимпиады является одним из уникальнейших первоисточников. Эта работа интересна для осмысления генезиса международного олимпийского движения, более глубокого понимания процесса зарождения современных Олимпийских игр. А.Д. Бутовский привел такие детали, подробности, нюансы об Афинской Олимпиаде, которые мы не встречаем в репортажах других очевидцев Игр I Олимпиады современности. Алексей Дмитриевич Бутовский привел суждения и оценки этого события, которые раскрывают подлинный смысл и предназначение современных Олимпий-

¹¹Софья Шлиман – вдова знаменитого немецкого археолога Генриха Шлимана (1808 – 1890), прославившегося своими уникальными археологическими находками, в особенности археологическими раскопками легендарной Трои.

¹²Это «подлинное, неопубликованное нигде письмо» А.Д. Бутовского привел В.Н. Короновский в своей статье. К сожалению, Короновский не указал, к кому адресовано это письмо, не привел ссылку на первоисточник, что несколько снижает источниковедческую ценность этого уникального документа.

¹³На сложившуюся тогда ситуацию проливает свет письмо Алексея Бутовского к Пьеру де Кубертену от 5 октября 1896 года, в котором он сетовал на сложности, с которыми столкнулся в России в связи с попыткой опубликовать «свой отчет» (так Бутовский первоначально назвал свою работу об Афинской Олимпиаде). Он, в частности, писал: «...Что касается моей поездки (согласно командировки ГУВУЗа А.Д. Бутовский из Афин отправился в Италию, где встречался с туринским профессором А. Моссо и делился с ним своими впечатлениями об Афинской Олимпиаде. Об этом Бутовский также рассказал в этом письме к Кубертену – А. С.). «...разве профессор Моссо из Турина не направил Вам письмо по поводу Олимпийских игр? – Писал Бутовский. – Мне показалось, что мои письма способствовали пробуждению его заинтересованности, и он хотел написать Вам, и я даже дал ему Ваш адрес (курсив мой – А. С.). Если его интерес не пропал, то я могу поздравить себя с тем, что я преуспел в деле участия Италии больше, чем в деле участия России, ибо здесь я ещё не смог найти ни одной газеты, которая опубликовала мой отчет, и усматриваю необходимость опубликовать его за свой счет...» (курсив мой – А. С.); (13)

ских игр. В этом контексте ценность работы Бутовского исключительно велика: российские читатели конца XIX столетия благодаря этому труду А.Д. Бутовского могли об этом не только узнать, но и глубже, полнее понять сущность этого явления.

Труд А.Д. Бутовского об Играх I Олимпиады – убедительное свидетельство, что Россия и Украина были у истоков современных Олимпийских игр, у колыбели неолимпизма, международного олимпийского движения.

Пусть не посетует читатель на обилие цитат из книги «Афины весной 1896 года», приведенных ниже, ибо пересказать Бутовского невозможно. Да это и не нужно, если стремишься уловить дух, атмосферу, царившие в столице Греции в апреле 1896 года.

И разве не удивительно – спустя 117 лет у нас есть возможность взглянуть на Афинскую Олимпиаду 1896 года глазами внимательнейшего свидетеля и очевидца – нашего соотечественника...

Свой труд А.Д. Бутовский начинает такими строчками: «Прожив несколько месяцев за границей и переезжая с места на место¹⁴, я не имел возможности регулярно читать русские газеты, а потому не знаю, что у нас писалось об олимпийских играх; не знаю даже, писалось ли о них вообще что-нибудь. Во всяком случае, думаю, что удовлетворю любопытству немалого числа русских читателей, представив здесь, по возможности, полную картину этого события, на основании личных и весьма близких собственных моих наблюдений» (выделено мною – А. С.); (1. С. 3).

А.Д. Бутовский не скрывал, что в преддверии Олимпийских игр были сомнения, скептицизм, неверие в успех задуманного¹⁵. Алексей Дмитриевич Бутовский уловил и красочно описал эту атмосферу. Цитирую: «Все мы, имевшие к ним (Олимпийским играм – А. С.) некоторое отношение, ехали сюда (в Афины – А. С.) с сомнением... Мы знали также, что самая идея возобновления Олимпийских игр не везде была встречена с тем доверием, которое служило бы ручательством за их успех. У нас, например, стеснялись даже говорить об этом без снисходительной улыбки. Но и там, где дело было принято серьезно, оказались течения, враждебные играм (выделено мною – А. С.). У немцев по этому поводу возникла целая литература, большие споры, в которых, с более или менее вескими основаниями, высказывались самые крайние мнения за и против игр. Так, вожди немецкого турнершафта решительно отказались участвовать в играх потому, во-первых, что первая идея игр принадлежит французам, во-вторых, что немцы не были приглашены на Парижский атлетический конгресс 1894 года и не имели представителя в международном комитете игр; наконец, они утверждали, что идея немецкого Turnen совершенно противоречит тем упражнениям спорта, которым отводится главное место на играх. Вообще же говорилось, что немцам нечего там делать и что участие в играх для немцев будет даже актом непатриотическим. С немцами дело кое-как уладилось, благодаря тактическому поведению греческого комитета игр; но бельгийцы решительно отказались принимать участие в играх, находя их вредными для молодежи в педагогическом отношении. ...Кое-где высказывалось также мнение, что Греция – государство бедное, что оно приняло на себя осуществление такой задачи, выполнить кото-

¹⁴В «ПОЛНОМ ПОСЛУЖНОМ СПИСКЕ А.Д. БУТОВСКОГО» отмечено, что в период с 3 марта по 20 июня (ст. ст. – А. Б.) 1896 года А.Д. Бутовский был командирован в Австрию, Италию и Грецию «для ознакомления с постановкой в этих государствах гимнастики, фехтования и других отраслей физического образования» (11). Л. 110).

¹⁵ Сейчас, возможно, об этом удивительно читать, но было действительно так: Пьер де Кубертен – главный инициатор «восстановления Олимпийских игр» – тоже сомневался по части реализации своего проекта. До открытия Парижского Конгресса оставалось менее месяца и ему было дано (четвертое по счету) название: «Международный Конгресс в Париже по восстановлению Олимпийских игр» – и именно Пьер де Кубертен противился этому названию, так как опасался, что подобное «Могло вызвать сарказм или обескуражить масштабам проекта» (14. Р. 30). Другой пример: при формировании программы Конгресса Пьер де Кубертен «Опасался, что вопрос о восстановлении Олимпийских игр вызовет саркастические замечания или обескуражит людей доброй воли вследствие грандиозности самого проекта» (Пьер де Кубертен. Олимпийские игры 1896 года. – Сборник: Международное спортивное и олимпийское движение. ЦОНТИ. – М.: ФиС, 1990, № 4, с. 30).

рую оно не в состоянии, и пр. **Громко раздавались, конечно, и мнения в пользу игр; но все эти споры, возбуждая страсти, не могли не поселить в обществе сомнения в целесообразности предстоящего торжества и в благоприятном его исходе. Такое именно настроение сомнения встречал я везде на пути в Грецию – и в Вене, и в Пеште, и на русском пароходе из Константинополя в Пирей, на котором ехало много греков из России, стеснявшихся сознаться, что они едут именно по случаю игр»** (выделено мною – А. С.); (1. С. 3–4).

А.Д. Бутовский обратил внимание и на беспокойство хозяев Олимпиады, определенную настороженность за исход этого нового дела. **«...Но и в самой Греции, – писал Бутовский, – в руководящих сферах, мы не встретили на первых порах твердой уверенности, что игры пройдут с желаемым успехом** (выделено мною – А. С.). Жаловались, что съезд иностранцев пока весьма незначителен и опасались, как бы игры не утратили своего международного характера» (1. С. 4.). Бутовский подчеркивал, что эти опасения, к счастью, не оправдались – гостей в Афины съехалось немало: **«Прежде всего, оказалось, что к первому дню праздника в Афины собралось приезжего народа если и немного, то все-таки довольно, чтобы придать играм международный характер** (выделено мною – А. С.). В лучших отелях стал ощущаться недостаток в помещении. Кое для кого греческий комитет игр должен был озаботиться частными квартирами... Большинство прибывших были, правда, греки, проживающие в торговых центрах средиземного побережья: Марселе, Генуе, Александрии, Смирне, Константинополе, Одессе... Но немало приехало также и чужеземцев. Были тут, конечно, и досужие туристы, американцы или англичане, отбывающие свой сезонный вояж по европейскому югу и африканскому северу и завернувшие в Афины только по пути; **но были также и люди, приехавшие именно по случаю олимпийских игр** (выделено мною – А. Б.). Между последними указывали на несколько известных имен в литературе, в общественной деятельности, в педагогике. **Потом, иностранцам не трудно было сразу же убедиться, что греческий комитет игр сделал все возможное, чтобы обеспечить торжеству широкий международный характер... Всех приезжих к первому дню праздника насчитывали свыше семи тысяч. Из них – до шести тысяч греков из-за границы и из провинций; международных гостей – до полутора тысяч»** (выделено мною – А. С.); (1. С. 4 – 5).

Подлинным героем на этапе подготовки к I Олимпиаде стал греческий миллионер **Георгий Аверов**, живший в те годы в Александрии, пожертвовавший на строительство стадиона миллион драхм. Соотечественники были безмерно благодарны Аверову за столь значительный вклад в осуществление исторической по значению для греков идеи провести I Олимпиаду современности в своей столице. Перед входом на восстановленный стадион Георгию Аверову воздвигли прижизненный памятник, изготовленный лучшим скульптором Греции тех лет Врутосом.

А.Д. Бутовский так описал это событие: **«Прологом к олимпийским играм было открытие статуи Аверова, пожертвовавшего миллион драхм на возобновление панафинейского стадиона. Статуя поставлена у входа в стадион. Открытие состоялось в первый день праздника. Сам Аверов, человек старый и скромный, не прибыл из Александрии, своего постоянного местопребывания, но в эти дни имя этого патриота было, без сомнения, одним из популярнейших имен в Афинах. Везде, в эстаминных и книжных магазинах, на каждом перекрестке, вам предлагали его портреты и биографии. В периодической прессе вы постоянно наталкивались на заметки и статьи, имеющие к нему отношение. Открытие статуи произошло с подобающе торжественностью. Народа было много. Были члены всех комитетов и комиссий, как греки, так и иностранцы. Секретарь греческого комитета игр, Тимолеон Филимон, произнес похвальную речь, сам королевич, председатель комитета, сдернул покров с этой беломраморной статуи во весь рост. Несколько депутатий положили к подножию статуи лавровые венки»** (1. С. 6–7).

Афинский стадион был восстановлен из белого мрамора и вошел в историю спортивных сооружений как **беломраморный стадион – первый стадион, построенный в новое время. Это был символический акт, знаменовавший наступление нового – XX века, когда**

строительство стадионов, хотя и не сразу, стало массовым явлением – благодаря Олимпийским играм.

Все очевидцы Афинской Олимпиады, кто писал о ней, неизменно делились своими впечатлениями о беломраморном стадионе.

Неизгладимое впечатление стадион произвел на Алексея Дмитриевича Бутовского, он описал его в деталях: «...Члены международного комитета (нас приехало 7 из 14¹⁶) прибыли к **стадиону** все вместе, прямо с первого заседания, и глазам нашим представилось **чудесное, невиданное в наше время зрелище** (выделено мною – А. С.). Надо составить себе понятие о том, что такое стадион. Представьте себе естественную продолговатую котловину, открытую на одном из своих концов. Дно этой котловины – почти правильный эллипсис, это – арена. По окружности арены идет путь для состязаний в беге. Внутреннее ея пространство предназначено для других атлетических состязаний: прыжков, метанья¹⁷, борьбы, гимнастических упражнений... Всё это под открытым небом. Таков именно панафинейский стадион (у самого города, с юго-восточной его стороны), одно из величайших сооружений в этом роде. Арена его имеет около 200 метров длины и до 50 ширины. Выходом своим он открывается к городу, на берег речки Илисса» (1. С. 9). **А.Д. Бутовский делится и своими психологическими ощущениями этого нового для него зрелища.** Эти суждения А.Д. Бутовского о стадионе необычайно оригинальны, интересны и потому цитирую далее: «...Еще два слова о стадионе. Огромные размеры амфитеатра, многочисленность покрывающей его толпы, которую ни в каком случае нельзя назвать публикой, так как это целый народ, – все это так противоречит обычной обстановке наших зрелищ, что на первый взгляд не понимаешь, какого же рода зрелище, какого рода представление может отвечать этой обстановке. Музыка, если она только хоть немного рассчитана на акустические эффекты концертной залы, теряет тут все свое значение. Человек на этой арене кажется слишком малым и незначительным и едва ли достойным напряженного внимания двухсот тысяч сосредоточенных на нем глаз. Но это только до тех пор, пока он находится в бездействии. С первого раза, как вам приходится видеть тут бодрую, исполненную мужества и силы молодежь, вы начинаете понимать, что нет арены, более отвечающей тому крайнему, иногда невероятному напряжению нравственной и физической энергии, какое мы видим в атлетическом состязании. Древние не ошибались в архитектуре своих цирков. **Я не говорю уже, что простор нужен для таких упражнений, как бег, метанье, что он нужен для большого числа участников; он требуется самим характером атлетических игр:** (выделено мною – А. С.) замкните вы атлетическое состязание со всеми его перипетиями в нашу современную зрительную залу, оно непременно представится вам несоразмерным, преувеличенным, грубым. Ему нужен простор. **И если это – состязание не профессиональное, если на него выходит наша лучшая молодежь, будущие деятели на всех поприщах общественной жизни, то оно достойно несметного числа зрителей, достойно того энтузиазма, который по временам охватывает эту толпу, так служит ей свидетельством здорового и мужественного воспитания этой молодежи»** (выделено мною – А. С.); (1. С. 11).

А.Д. Бутовский красочно описал открытие I Олимпийских игр современности: «...Амфитеатр стадиона, вмещающий на своих ступенях до 50 тысяч зрителей (при необходимости даже до 70) был переполнен народом. Не только внутренние места, но и вся окружающая местность, покатоги и холмы над амфитеатром, кишели густо сплоченною массой. Весь город и окрестности переселились на это время к стадиону. Было что-то подавляющее в этой сплошной массе народа, как пеленой покрывшей и белые ступени амфитеатра, и зеленые окрестности. Как-то стало понятно, что один уже этот интерес толпы, добровольно сюда собравшейся, способен возвести это новое дело, – все равно, как бы оно ни было задумано и исполнено, – **на степень настоящего, серьезного события. Впечатление было захватывающее. Люди с несколько восторженным складом мыслей, отдаваясь впечатлению**

¹⁶ Неточность – в 1896 году в составе МОК 15 членов.

¹⁷ «ея», «метанья» – орфография А.Д. Бутовского.

этой грандиозной картины, говорили, что сегодня, здесь, они переживают знаменательный момент, долженствующий обусловить собой новое направление в культурной жизни народов (выделено мною – А. С.). Ровно в назначенный час музыка почетного караула у входа в стадион возвестила о прибытии королевского семейства. Стотысячная толпа при молкла, встала, головы обнажились. Король, с выражением благодушия и благоволения, раскланиваясь направо и налево, в сопровождении королевы, принцев, принцессы Марии и ее нареченного жениха, великого князя Георгия Михайловича, сопровождаемый высшими сановниками государства, дипломатическим корпусом и комитетами игр, – греческим и международным (выделено мною – А. С.), при звуках народного гимна, медленно прошел по арене, по всей ее длине, и занял место в головном почетном закруглении амфитеатра. Все взоры с ожиданием обратились к этому головному пункту. Королевич Константин, стоявший во главе греческого комитета игр, вышел к центру округления и внятным, громким голосом произнес краткую речь, в которой упомянул о том, что греческому народу выпала счастливая судьба возобновления учреждения, имевшее такое высокое и благородное значение в жизни его предков, засвидетельствовал, что все приготовления к предстоящему торжеству окончены, и что собравшийся народ и иностранные гости ждут только санкции его величества для начала первых возобновленных игр (выделено мною – А. С.). В словах его прозвучала прочувствованная патриотическая нота и еще раз, теперь уже с большой высоты и перед целым народом, была высказана надежда на объединяющее международное значение совершающегося торжества (выделено мною – А. С.)... Дай Бог, о король, – сказал он с большою искренностью в выражении, – чтобы возрождение олимпийских игр скрепило узы взаимной дружбы эллинского народа с другими народами, представителей которых мы имеем счастье принимать здесь... (многоточие А. Бутовского – А. С.), (выделено мною – А. С.). Дай Бог, чтобы оно подняло телесные упражнения и народное чувство и чтобы оно способствовало образованию нового греческого поколения, достойного своих предков. При общих восторженных криках многотысячной толпы, король провозгласил открытие «первых международных олимпийских игр в Афинах» (выделено мною – А. С.). Немедленно затем, соединенными оркестрами, военными и филармоническими обществами, расположенными в самой середине стадиона, была исполнена торжественная кантата, написанная именно по этому случаю греческим композитором Самара. Кантату по требованию публики повторили. Когда все замолкло, раздалась призывная труба вестника игр; вышли первые атлеты и начались состязания первого дня» (выделено мною – А. С.); (1. С. 9–10).

Состязания I Олимпиады современности проходили не только на стадионе. «Для дополнительных состязаний, – писал Бутовский, – были назначены другие, более соответственные им места. Так, для фехтования выбрали светлую ротонду в великолепном здании постоянной выставки, Цаппионе, построенном также одним из общественных благотворителей, чужестранным греком Цаппа; для стрельбы было специально устроено по случаю игр особое стрельбище, по дороге в Фалерон; плавание, гребля и парусная гонка были назначены в малом Пирейском порту и в бухте Фалерона. Таким образом, в некоторые дни стадион оставался свободным по случаю переселения публики в Фалерон или в Пирей» (1. С. 12).

К Олимпийским играм строился не только стадион и другие места состязаний – празднично украшался весь город. Бутовский красочно описал колоритную атмосферу предолимпийских Афин: «В Афинах, к концу страстной недели, мы застали большие приготовления. Этот и без того белый и опрятный город прибрался, почистился. Чрезвычайное обилие флагов, щитов. Народный небесно-голубой цвет придает даже особенный голубоватый колорит главным улицам. Огромные приготовления к иллюминации улиц, скверов, площадей. В последние дни страстной недели движение по улицам большое» (выделено мною – А. С.); (1. С. 4).

Программа Игр I Олимпиады представляет особый интерес – ведь то были первые Олимпийские игры современности – первый опыт организации и проведения международных комплексных спортивных соревнований.

Воспроизвожу содержание программы в том виде, как её привел А.Д. Бутовский¹⁸: «За несколько дней до открытия игр греческий комитет издал программу всех предположенных торжеств с распределением их по дням. Привожу эту программу целиком, – подчеркивал Бутовский: **1-й день. Понедельник, 25 марта**¹⁹ (6 апреля – нов. ст. – А. С.). 3 ч. дня. Стадион. Открытие олимпийских игр. (Предварительные состязания в беге на 200, 400 и 800 метров; тройной прыжок; метание диска). *Вечером.* Заря военной музыки и оркестров филармонических обществ Шествие с факелами городских корпораций. **2-й день. Вторник, 26 марта** (7 апреля – А. С.). 10 ч. у. (утра – А. С.). *Цаппион.* Фехтование. 3 ч. д. (дня – А. С.). *Стадион.* Атлетические игры (бег на 110 м с препятствиями; прыжок в длину; окончательный бег на 400 м; кидание и поднимание тяжестей; бег на 1500 м). *Вечером.* Иллюминация Акрополя. **3-й день Среда, 27 марта** (8 апреля – А. С.). 10 ч. у. Открытие стрельбища. Состязания в стрельбе. 1 ч. д. *Велодром.* Состязание на 100 километров. Лаун-теннис. **4-й день. Четверг, 28 марта** (9 апреля). 3 ч. д. *Стадион.* Гимнастика. Окончательный бег на 800 м. Большой концерт соединенных филармонических обществ. **5-й день. Пятница, 29 марта** (10 апреля – А. С.). 3 ч. д. *Стадион.* Атлетические игры (окончательный бег на 100 м; прыжок в высоту; окончательный бег на 110 м с препятствиями; прыжок с шестом; борьба). **Прибытие состязующихся в марафонском беге** (выделено мною – А. С.). *Вечером в Пирее.* Венецианский праздник в порте: 9 ч. – иллюминация города и окружающих высот; 10 ч. – шествие с факелами; 10 ч. – фейерверк в порте. **6-й день. Суббота, 30 марта** (11 апреля – А. С.). 10 ч. у. Состязания в плавании в порте Зеа. 3 ч. д. *Велодром.* Состязания на 2 и 10 километров. Продолжение лаун-тенниса. **7-й день. Воскресенье, 31 марта** (12 апреля – А. С.). 3 ч. д. *Фалерон.* Большой концерт. Гребная гонка. Марафонское состязание циклистов; прибытие в велодром. *Вечером.* Шествие с факелами. **8-й день. Понедельник, 1 апреля** (13 апреля – А. С.). 10 ч. у. Фалерон. Парусная гонка. Частные суда. 3 ч. д. Военные суда. *Вечером.* Иллюминация памятников Акрополя. **9-й день. Вторник, 2 апреля** (14 апреля – А. С.). 3 ч. д. *Стадион.* **Заккрытие игр и провозглашение победителей** (выделено мною – А. С.). Каждый вечер иллюминация города и музыка на площадях» (весь курсив А.Д. Бутовского – А. С.); (1. С. 7–8). «Под конец программа эта была изменена, но несущественно, – заключал Бутовский. – Так, парусная и гребная гонки совсем не состоялись по случаю сильного ветра; **заккрытие игр последовало не во вторник, а в среду, тоже по случаю погоды** (15 апреля – А. С.). **Всё остальное было исполнено по предположению**» (выделено мною – А. С.) (1. С. 8).

А.Д. Бутовский описал процедуру регистрации участников, привел данные о численности и представительстве по странам. «Прибывшие атлеты, – писал Бутовский, – записывались в бюро комитета, с представлением удостоверения, что **они не профессиональные исполнители упражнений** (выделено мною – А. С.). И здесь греческий элемент был господствующим: но это и понятно, так как греки находились в гораздо лучших условиях тренировки сравнительно с приезжими: они могли подготавливаться²⁰ на самых местах состязаний. Безусловно, точных сведений о числе атлетов я не имею, но, насколько можно доверять ежедневным программам состязаний и другим случайным сведениям, они распределяются по национальностям таким образом: американцев **22**, англичан **13** (в том числе один из Австралии), французов **15**, немцев **22**, австро-венгров **20**, датчан **4**, шведов **3**, швейцарец **1**, болгар **5**, итальянцев **3**, русский **1**, греков **110**. Таким образом, всех изъявивших желание участвовать в состязаниях я насчитываю 219 человек; из них однако же до 10% не появлялись на арене, в том

¹⁸Привожу и орфографию А.Д. Бутовского: в книге слова «игры», «олимпийские» – с маленькой буквы; воспроизвожу и терминологию Бутовского, отражающая, принятые в те годы в русской спортивной терминологии правила написания спортивных терминов: «кидание», «прыжок в высоту», «бег на 110 м с препятствиями» и т. д.

¹⁹А.Д. Бутовский привел даты по старому стилю (ст. ст.), принятому в те годы в России; по новому стилю (нов. ст.): 1-й день I Олимпиады современности – 6 апреля (этот день Оргкомитет Афинской Олимпиады избрал не случайно – 6 апреля 1896 года исполнялось 75 лет начала освободительной войны греческого народа против многовекового ига Османской империи).

²⁰Цитировано по тексту.

числе все три итальянца и наш русский атлет»²¹ (выделено мною – А. С.); (1. С. 5–6).

Большой интерес представляют наблюдения и суждения А.Д. Бутовского о непосредственных участниках Олимпийских игр: **благодаря этим суждениям есть возможность, почти воочию, представить какими были первые олимпийцы – участники I Олимпийских игр современности.** На освещении этого вопроса А.Д. Бутовский заостряет особое внимание. Цитирую этот фрагмент без сокращений. **«Теперь, – начинается IV раздел своего труда А.Д. Бутовский, – следует поговорить о главных деятелях торжества, об атлетах (выделено мною – А. С.). Кто бывал в этом обществе, тот знает, что оно отличается вообще весьма характерными и симпатичными чертами. Прежде всего, это – молодежь. Она собралась сюда отовсюду, чтобы всенародно и добровольно проявить такие акты нравственной и физической энергии, какие в практической жизни, даже человеку, обреченному на физический труд, приходится проявлять разве случайно, в самые критические минуты жизни. Она прибыла готовая к этому, тренированная. Вот почему обыкновенно это народ бодрый, закаленный, с тем оттенком уверенности в своих силах, который дает возможность спокойно и жизнерадостно смотреть на мелочные и прозаические явления повседневной жизни (выделено мною – А. С.). Все они всецело поглощены интересами предстоящего состязания, а потому это народ деловитый, не расточающий запаса своих сил на какие-нибудь шумные и беспорядочные развлечения и удовольствия. Многие ради тренировки ведут строго размеренный и скромный образ жизни (выделено мною – А. С.). Вообще, это люди спокойные и в общественных своих отношениях очень уживчивые. Наконец, что, может быть, важнее всего, это не профессиональные атлеты, а любители. Атлетизм²² для них не ремесло, а любимое дело, которому они посвящают свои досуги. Они не только не смотрят на него как на занятие, дающее какую-нибудь материальную выгоду, но, напротив, сами приносят ради него материальные жертвы, обставляя его известными**

²¹«русский атлет» – Николай Риттер. Благодаря А.Д. Бутовскому узнаем, что Николай Риттер – атлет-любитель из Киева; приехал в Афины по собственной инициативе, на собственные средства. В.Н. Короновский цитирует строчки из письма А.Д. Бутовского из Афин, датированное 7 апреля (ст. ст.) 1896 года, касающиеся Н. Риттера: «...Русских – ни одного. То есть, был тут один, из Киева, некто Риттер, молодой человек с очень внушительной фигурой, и записался даже на борьбу, но в день борьбы отказался от участия» (4. С. 217). Причины своего неучастия в олимпийских соревнованиях Николай Риттер изложил в письме Алексею Лебедеву, написанному 2 июня 1896 года в Киеве. Это письмо цитирует В.Н. Короновский (4. С. 218). Хотя Николай Риттер не участвовал в соревнованиях (он заявил себя для участия в двух видах: борьбе и стрельбе), Олимпийские игры произвели на него неизгладимое впечатление. «...Я успел записать мельчайшие подробности олимпийских игр», – писал он Алексею Лебедеву. И подчеркнул: мог бы написать «добрый фолиант об олимпийских играх, но этим все-таки не мог бы выразить всего того, чего они заслуживают...» (выделено мною – А. С.). В этом письме Риттер пишет, что после Афинской Олимпиады поехал в Италию, где встречался с А.Д. Бутовским: они вместе изучали итальянскую школу фехтования.

В книгах «Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX – XX веков», со ссылкой на В.Н. Короновского, приведено содержание письма Николая Риттера. В этих книгах высказано предположение, что автором материалов об Афинской Олимпиаде, опубликованных в киевской прессе и московском журнале «Циклист» был Николай Риттер (7. С. 302, 371 – 372; 8. С. 336, 412). Возвращаясь к этому сюжету спустя много лет, я не только укрепился в своих предположениях. Полагаю, что вероятность авторства Николая Риттера весьма высока, хотя 100-процентной уверенности нет, так как эти материалы опубликованы без подписи. Почему бы новому поколению украинских историков Олимпийских игр не продолжить поиски в этом аспекте, не «покопаться» в архивах...? Почему это принципиально важно? Любые новые факты, расширяющие наши представления, знания о представительстве и участии России, Украины, когда зарождались современные Олимпийские игры, рождалось международное олимпийское движение, имеют непреходящее источниковедческое, научное и познавательное значение.

Николай Риттер принимал активное участие во II Олимпийском конгрессе, который состоялся по инициативе Пьера де Кубертена в 1897 году в Гавре (Франция). Об этом рассказала первая российская спортивная газета «Циклист» (в 1897 году журнал «Циклист» издавался в формате газеты). В двух номерах газеты опубликована статья специального корреспондента газеты – «Олимпийский конгресс 1897 года в Гавре», – в которой подчеркивалось: в обсуждении вопросов, включенных в повестку, «деятельное участие принимали три русских делегата, прибывшие на конгресс: г. Лебедев из Петербурга и гг. Риттер и Берг из Москвы...» (См.: 7. С. 348 – 351; С. 365 – 367; 8. С. 386 – 390; С. 405 – 407).

²²Термин «атлетизм» в те годы рассматривался, как тождественное понятию «СПОРТ».

требованиями удобства и изящества – в костюме, в снарядах, в обстановке своих клубов и обществ, и наконец, расходуясь на отдаленные путешествия. Аматеризм, как называют это англичане, в отличие от профессиональных занятий упражнениями, стоял капитальным условием для допущения к участию в олимпийских играх. Поэтому в огромном большинстве это люди хорошего общества, хорошего воспитания и образования (выделено мною – А. С.); (1. С. 14–15).

В Афинах, в соответствии с рекомендациями Парижского Конгресса, ввели ритуал подъема национального флага победителя. **«Результат каждого состязания, – писал Бутовский, – возвещался народу флагом той национальности, к которой принадлежал победитель. Флаг этот поднимался на высокую мачту у входного конца стадиона, и появление его, каких бы он ни был цветов, всегда вызывало сенсацию во всей массе зрителей»** (выделено мною – А. С.); (1. С. 13).

Таким образом, уже на I Олимпийских играх современности зародилась традиция, ставшая обязательной на всех последующих Олимпиадах.

Приведу и другие впечатления Алексея Дмитриевича Бутовского, который внимательно, с огромным интересом следил за всеми состязаниями Олимпиады. Его суждения интересны не только в познавательном аспекте; эти суждения позволяют полнее, глубже осмыслить процесс зарождения современных Олимпийских игр; лучше понять особенности развития спорта, отдельных видов спорта в конце XIX века. Интересны и его мысли, касающиеся характеристики спортсменов в зависимости от вида спорта, их национальной принадлежности. Цитирую А.Д. Бутовского: **«Есть у них (у спортсменов – А. С.) и национальные черты, и известные особенности, налагаемые самым видом практикуемого спорта** (выделено мною – А. С.). Лучше всего это можно было наблюдать в Афинах, при небывалом еще в наше время разнообразии национальностей, прибывших атлетов... Особенно заметно тут выделялись американцы, немцы и греки. **Американцы**, – по большей части члены спортивных ассоциаций северо-американских университетов, – следовательно, люди высшего образования, имеющие в перспективе и умственную деятельность, и выдающееся положение. Но, в настоящее время, это спортсмены в самом полном значении этого слова. Держат себя с достоинством, как джентльмены. На арене всегда безукоризненны, в костюме с отличительными знаками и шифрами своих ассоциаций, как на регламентарном трико, так и на верхнем плаще, в который они завертывают себя во время антрактов. Единственный признаваемый ими на арене авторитет, это – жюри. Публика их не волнует и не стесняет. Между двумя упражнениями они без стеснения ложатся отдыхать на песке арены. Отзывчивы на приятельское обращение и, в ответе на доброе слово, не прочь похлопать по плечу самое высокопоставленное лицо. Виды спорта, в которых они по преимуществу тренированы, это – бег, прыжки, метанье и киданье тяжестей. Во всех упражнениях они дали победителей. Вообще, эта молодежь, хорошо сложенная, видная, сухоощавая. Едва ли старший из них перешел за 25-летний возраст. Совсем иное впечатление производят **германские** атлеты, в особенности же члены той *equipe allemande*, которая в день гимнастики проделывала общие индивидуальные упражнения на немецких снарядах. Это народ коренастый, не рослый, совсем не гибкий, широкоплечий, может быть даже сутуловатый. Тоже молодые люди, но есть между ними и такие, которые перешли уже за 30-летний возраст, по крайней мере, если судить по наружности. Атлетическая школа их не в аматерском тренировании к тому или другому роду естественнейшего для человека упражнения, а в регулярном посещении Turnhalle (гимнастического зала), с его Reck (турник) и Barren (параллельные брусья), с Hang (вис) и Stemmubungen (упоры), с Reigen (хоровод), с песнями и с картинными атлетическими группами. Костюм их изяществом не отличается; незатейливое одноцветное трико с рукавами во всю руку и обыкновенные панталонны... Вышли они на свои общие упражнения строем, бодрым, немецким маршем, в пунктуальном порядке, и шли – как будто священнодействовали. Упражнения – под общей командой фортурнера Гофмана, – очень замысловатые и в окончательном результате бьющие на общий картинный эффект. Очевидно, они давали зрителям Vorstellung (представление), к которому так склонны немцы в своих турнферейнах и даже в школе. Ужасно много цепкости;

руки как клещи, лица краснеют от напряжения, но вместе с тем, чрезвычайная точность, согласие и добросовестность. Все это производит большую сенсацию в немецком элементе зрителей (а таковой есть в Афинах и в высших сферах, и отчасти в обществе)... Упражнения турнирного характера, без сомнения, впервые еще проделываются при обстановке древне-греческих игр. Вагген, Реск и пр. впервые еще фигурируют на грандиозной арене стадиона и, пожалуй, что они больше на своем месте в Turnhalle, и именно в немецком Turnhalle, чем здесь. Букет турнирных упражнений здесь теряется... **Но хорошо, что они здесь появились. Это, во всяком случае, шаг к согласованию и к объединению различных направлений в физическом образовании молодого поколения** (выделено мною – А. С.)²³.

Некоторые немцы-турнеры участвовали и в других состязаниях: беге, прыжке, метанье диска, киданье тяжестей. Один из них остался даже победителем в борьбе. Трудно судить, насколько Вагген и Реск способствовали искусству этого последнего в единоборстве... Но, далеко не всякий турнир будет непременно ловок в беге, свободном прыжке или борьбе. Для этого нужна специальная и прилежная тренировка. Удивительная тренировка Шумана²⁴, победителя в борьбе, возбудила даже сомнение, не профессиональный ли он борец. По справкам оказалось, однако же, что он любитель. Что касается **греческих атлетов**, то прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что всего лишь два года тому назад в Греции почти не знали ни спорта, ни гимнастики, и что весь этот подъем в пользу телесных упражнений совершился, как говорят, именно в ожидании олимпийских игр. Если это так, то согласие греческого правительства на устройство первых олимпийских игр в Афинах сослужило для Греции хорошую службу. Греческие атлеты численностью своею, как уже сказано, превосходили всех остальных вместе взятых. Они принимали участие, в большем или меньшем числе, решительно во всех упражнениях. Даже в общих турнирных упражнениях одни только они вышли рядом с немцами, при чем, представили не одну еquire, а целых две. С самого начала игр они стали обращать на себя внимание хорошою тренировкой и правильными, красивыми положениями во время упражнений. Относительно тренировки оно и не мудрено: они были в лучших условиях... В первые дни состязаний (бег на обыкновенные спортивные дистанции, различные роды прыжка, работа с тяжестями пр.) они оставались, однако же, за флагом. Их побеждали по преимуществу американцы. Между иностранцами стали даже высказываться сожаления, что греки, – хозяева, – ничего не выигрывают. Стали с интересом ждать того случая, когда, наконец, они покажут себя. Первые взятые греками призы, – кроме стрельбы и фехтования, – состязаний, производившихся при скромных условиях, были призы за некоторые индивидуальные гимнастические упражнения (кольца, гладкий канат). Надо было видеть, как это оживило народ. Они выказали себя также сильными атлетами и в общих турнирных упражнениях. Хотя немцы и взяли приз, но многие находили, что греческие Equipes, делали свои упражнения, если не с такою серьезной добросовестностью, то во всяком случае, свободнее и грациознее. **Но настоящее, единственное в своем роде торжество греков была победа в марафонском беге...** (выделено мною – А. С.). Атлеты других национальностей, французы, австро-венгры и пр. имели тоже свои моменты торжества на играх... Не могу, однако же, не отметить французской черты в спортивных состязаниях. Велосипедная гонка на сто километров, в велодроме. Пробежали уже более 50 километров. За выбытием всех других конкурентов, **на арене остаются только француз Фламан (Flameng) и грек Коллетис, юноша, не достигший еще 18-летнего возраста. В самом разгаре состязания, в велосипеде Коллетиса замечается какая-то неисправность. Фламан останавливается, изысканно**

²³В этой части своих суждений А.Д. Бутовский оказался провидцем – выступление немецких гимнастов в Афинах стало прообразом спортивной гимнастики, которая с годами завоевала одно из приоритетных мест в программе современных Олимпийских игр.

²⁴На I Олимпийских играх современности отличился немецкий атлет Карл Шуман, успешно выступавший в трех видах спорта: в «Командном первенстве» по гимнастике сборная команда Германии, в составе которой выступал и Карл Шуман, заняла 1-е место; К. Шуман завоевал 1-е место и в опорном прыжке; в греко-римской борьбе К. Шуман также завоевал 1-е место; в состязаниях по тяжелой атлетике в «Упражнениях двумя руками» – 3-е место.

приподымает свою шапочку и, с возгласом: *vivela Grece* (да здравствует Греция), дает время противнику привести в порядок свой инструмент. Понятно, гром рукоплесканий и взрыв одобрительных возгласов. По окончании гонки, в которой Фламан побеждает своего юного противника, публика торжественно выносит их обоих на руках из велодрома» (выделено мною – А. С.); (1. С. 15, 16, 17, 18).

Из всех состязаний, прошедших на Играх I Олимпиады современности, по единодушному признанию очевидцев Афинской Олимпиады, **наибольший интерес вызвал марафонский бег.**

...В дни, когда в Париже завершился «Международный конгресс по восстановлению Олимпийских игр» Пьер де Кубертен получил письмо от жителя Парижа, писателя **Мишеля Бреалья** – знатока античной истории, – в котором были строчки: **«Если бы Организационный комитет Афинской Олимпиады согласился включить в программу бег марафонского солдата, я с радостью пожертвую награду победителю»** (выделено мною – А. С.), – писал автор письма. Пьер де Кубертен известил Оргкомитет о предложении Бреалья, и оно тотчас было принято. **Так в программе современных Олимпийских игр появился марафонский бег.**

О том, что марафонский бег включен в программу **5-го** дня состязаний было известно заранее. На стадионе знали и о том, что старт марафонского бега будет дан в местечке Марафон – легендарном для греков месте. Именно здесь 12 сентября 490 года до н. э. состоялась историческая битва, в которой решалась судьба Эллады. Многочисленная армия персов, высадившаяся тогда на берегах Греции, угрожала столице Эллады – Афинам. Греки во главе с талантливым полководцем Мильтиадом разгромили персов. С вестью о славной победе Мильтиад направил в Афины воина Фидиппида. Преодолев расстояние от Марафон до Афин без отдыха, он прибежал на площадь столицы и, как гласит легенда, известив о победе, упал мертвым. Эту славную страницу своей истории греки хорошо знали и свято помнили. Знали эту сказочную легенду не только греки...

На стадионе было известно, что участникам первого марафонского бега предстояло бежать по той самой дороге, по которой бежал легендарный Фидиппид. Безусловно, все эти факторы многократно повышали интерес к марафонскому бегу²⁵.

Вполне закономерно, что очевидцы Афинской Олимпиады, писавшие о ней, неизменно взволновано, восторженно писали и о марафонском беге. Так, корреспондент журнала «Циклист», рассказывая о пятом дне Олимпийских игр и финише марафонского бега, подчеркивал: **«Этот день останется в памяти всех присутствующих. ...Вдруг, как молния облетела публику весть, что победителем в марафонском беге оказался грек... Невозможно описать энтузиазм толпы. Вся она страшно кричит и волнуется. Победителя понесли с триумфом...»**²⁶.

Впечатляюще о марафонском беге написал А.Д. Бутовский. Уже в письме от 7 апреля (ст. ст.) – по самым свежим следам впечатлений – А.Д. Бутовский описал финиш марафонского бега: **«Момент окончания марафонского бега был решительно торжественный. Когда победитель добежал до королевской трибуны, принцы стали обнимать его, за ними все высшее общество; стотысячная толпа была, как бы, наэлектризована; многие плакали. Победителя зовут Луис, он крестьянин»** (выделено мною – А. С.). Более подробно о марафонском беге, ставшим главным событием Афинской Олимпиады, А.Д. Бутовский написал в книге «Афины 1896 года», посвятив этому весь V раздел. Цитирую: «...В день марафонского бега стечение народа было также велико, как и в день открытия, и многим тысячам любопытных пришлось смотреть сверху, с гор, за полным отсутствием мест в амфитеатре. Множество народа толпилось по соседству, на берегах Иласса и в скверах Цаппиона... Перебег из Марафона в Афины, – писал Бутовский, – тот перебег, который совершил когда-то молодой грече-

²⁵ Старт был дан от моста, расположенного в местечке Марафон, 10 апреля в 13 часов 56 мин. по афинскому времени; финиш – на стадионе, перед трибуной королевского семейства.

²⁶ Олимпийские игры. Пятый день игр. – «Циклист», 4 мая 1896 г. № 17, с. 5.

ский гонец с известием о победе Мильтиада над персами, считался по справедливости, самым капитальным номером программы олимпийских игр. Расстояние между Марафоном и Афинами 42 километра (то есть, около 40 верст)²⁷; дорога неровная и иногда неудобная, и пробежать такой путь взапуски, действительно, огромный, невероятный подвиг. За несколько дней уже гадали, кто-то будет победителем в этом беге. В программе под рубрикой марафонского бега указаны 18 имен; из них: 13 греков, один француз, один американец, один англичанин (из Виктории), один венгерец и один немец (берлинский спортсмен)²⁸. ...В день марафонского бега в стадионе шли и другие состязания, но весь интерес был поглощен предстоящим результатом бега. Все другое отошло на второй план. На бег и прыжки смотрели одобритительно, но, видимо, занимались главным образом не ими. Было даже обидно за прелестных американцев, бесподобно прыгавших с шестом. Какое-нибудь случайное движение у входа в стадионе, и вся толпа мгновенно обращает туда взоры. Иные в нетерпении встают, и их надо просить садиться. Ясно, что вся эта несметная толпа народа душой находится на пути из Марафона в Афины и мысленно переживает все случайности и крайности этого гигантского состязания. Но вот на арене появляется запыхавшийся и запыленный офицер. Он только что с коня, он оставил бегунов в 7-ми верстах от Афин. О решительном результате еще ничего нельзя сказать. Идет борьба между французом и греком. Весть эта мгновенно облетает всю толпу. Состязание в прыжках продолжается, и состязание достойное внимания, но им уже совсем никто не интересуется; то и дело поднимаются смотреть, не видно ли бегущих. **Через несколько минут пушечный выстрел и новый конный гонец; бегуны у городской черты и...** (многоточие Бутовского – А. С.) **впереди грек! Все встают со своих мест как один человек, несколько восторженных возгласов, все напряженно вглядываются, как будто можно что-нибудь видеть, и затем полное безмолвие самого напряженного ожидания. Наконец, сверху увидели, где-то еще вдаль: грек! грек! Неудержимые крики восторга волной распливаются по всему амфитеатру и в окрестностях; маханье шапками, зонтиками, флагами, платками, все это растет crescendo, и, вдруг, точно что-нибудь прорвалось, точно были закрыты какие-то двери, за которыми слышался только гул, а тут внезапно их открыли настежь...** (многоточие А. Бутовского; выделено мною – А. С.). По арене бежит небыстрым бегом сухошавый человек, причина этого невероятного восторга. Он очевидно ничего не слышит; для него есть один только предмет в мире, это конец его бега. От усталости или от пыли смуглое лицо его кажется совсем черным²⁹. Король со своей трибуны приветливо махает ему шапкой; но, по-видимому, он и сам взволнован: шапка выпадает у него из рук. Едва этот черномазый человек, в запыленном белом трико с голубыми разводами (греческие цвета), приблизился к центру головного закругления, два принца, Константин и Георг, заключили его в свои объятия, расцеловали и подвели к королю. Потом потянулись к нему сотни объятий королевской свиты и других, но мигом откуда то появляется пальто, в которое его тотчас же закутывают сами принцы и ведут в вестибюль. **Обратившись с восторгом к одному из греческих офицеров, спрашивая об имени этого человека, мы видим, что по лицу его текут слезы. И плакал не один только этот офицер. Потрясение было всеобщее. Многие сосредоточенно утирали свои лица платками. «C'est un spectacle que la vie moderne n'a pas encore vu»³⁰, – говорит мне взволнованным голосом мой уважаемый друг майор Виктор Балк, профессор гимнастического института в Стокгольме...** (многоточие А. Бутовского – А. С.). Этот человек – Луис, крестьянин, наемный работник на винограднике в деревне Амарусси, близ Афин. Но отныне он – народный герой (выделено мною – А. С.). Он доставил своей стране первенство на олимпийских играх, первенство, справедливость и необходимость которого признавалась всеми иностранцами, хотя

²⁷ Дистанция марафонского бега на Афинской Олимпиаде – 40 км 200 м.

²⁸ В состязаниях в марафонском беге в Афинах приняло участие 17 бегунов из 5 стран, в том числе австралиец Флэк, американец Блейк, венгр Кельнер, француз Лермюзье...

²⁹ Марафонцев сопровождали всадники: следили за соблюдением правил. Кони, естественно, поднимали неизбежное облако пыли: в этих условиях и бежали участники первого марафонского бега.

³⁰ «Это зрелище, которого современная жизнь еще не видела».

бы уже потому, что Греция была первою страной, давшей у себя место возобновленным олимпийским играм. Ему в настоящее время 24 года; он отбыл уже воинскую повинность. **Он сделал эти 40 верст марафонского бега в 2 часа 58 мин. 50 сек. Невероятная скорость!** (Выделено мною – А. С.). Но надо сказать, что и другие, одолевшие этот перебег (1 венгерец и 7 греков) собрались на арене не позже как через час после первого прибывшего. Между ними был один врач, грек Лагудаки, практикующий в Париже. После всех этих волнений наступила реакция, все были довольны, но на этот раз уже пресыщены. Началось состязание по борьбе, но за ним следили вяло. Послышались сначала робкие, а потом и более настойчивые голоса: аврион! аврион! (завтра!). Время склонялось к вечеру, и борьба была отложена на следующий день...» (1. С. 13, 19, 20, 21).

Спироса Луиса – победителя марафонского бега – **провозгласили «Героem I Олимпийских игр современности»**. А.Д. Бутовский привел о нем такие подробности: «О Луисе говорили, что, готовясь к состязанию, он говел с соблюдением самого строгого поста, накануне причастился и, уходя, сказал своему отцу, что его увидят или победителем или мертвым. В публике ходили разговоры, за несколько дней еще до состязания, что на случай, если победителем окажется грек, между греческими торговцами состоялось соглашение кормить его, одевать и брить безвозмездно в течение года. Общество афинских негоциантов решило купить Луису поле близ родной его деревни Амарусси, а жители этой деревни хотят воздвигнуть колонну в память о его победе. В самом стадионе одна гречанка из Смирны подарила ему бывшие на ней золотые часы с цепочкой. Потом на другой день к этому прибавляли, что одна американка предложила ему свою руку и свое состояние и пр. В течение всех последующих дней он был предметом внимания и попечения патриотически настроенных афинских жителей. Его одели в греческий национальный костюм (фустанелла – А. С.), катали, возили в театр, устраивали ему обеды, завтраки. **И надо отдать ему справедливость, это несколько (по крайней мере, в следующие дни игр) не выбило его из колеи. Нигде и ничем он не старался выделиться. Не знаящим его в лицо надо было показывать и, не будь он в фустанелле, многие не признали бы в нем марафонского победителя»** (выделено мною – А. С.); (1. С. 21–22)³¹.

Огромное впечатление финал марафонского бега произвел на Пьера де Кубертена. Спустя десятилетия Кубертен признавал, что увиденное им на Афинском стадионе в момент финиша марафонского бега, осталось для него, как одно из самых ярких впечатлений в жизни. В «Олимпийских мемуарах» Пьер де Кубертен писал: «...**Это был один из самых необыкновенных спектаклей, о которых я вспоминаю**» (выделено мною – А. С.); (14. Р. 40).

По свидетельству многих очевидцев, состязания в марафонском беге, а главное – победа в этом виде состязаний представителя Греции – в немалой степени обусловили успех Афинской Олимпиады. К такому выводу пришел и А.Д. Бутовский. В письме, написанном в Афинах 7 апреля (ссылка на это письмо приведена выше), А.Д. Бутовский высказал такое суждение: «...**Но подъему духа греков способствовало то обстоятельство, что победителем в труднейшем состязании оказался именно грек. Это в марафонском беге... Это уже сама судьба им помирволила. Будь это кто-нибудь другой, не было бы такого подъема духа в**

³¹ В журнале «Легкая атлетика» (1979, № 1, с. 33) опубликован материал, посвященный первому олимпийскому чемпиону в марафонском беге. В публикации приведены следующие подробности: «Спирос Луис родился 12 января 1873 года в многодетной семье крестьянина Антаниоса Луиса. В семье у него были только сестренки. Луис закончил школу, перепробовал различные профессии, служил в армии. Луис принимал участие в отборочных соревнованиях, проходивших на второй день после начала Олимпиады. В день забега Луису достался 17-й номер. После 37-го километра Луис возглавил бег и никому уже не уступил своего лидерства. Вскоре после триумфа Луис купил домик в афинском предместье Мируси, где жил с женой Еленой и пятью детьми. Луис выезжал почти на все последующие Олимпийские игры, вплоть до 1936 года, и неизменно возглавлял делегацию Греции на парадах открытия. Спирос Луис умер 27 марта 1940 года. В 70-е годы в доме Луиса жила его внучка Крисула, бережно хранившая две реликвии своего знаменитого деда: почетный диплом, медаль чемпиона I Олимпиады и серебряную коньячную фляжку, присланную с королевского стола. По свидетельству внуков Луис неохотно встречался с журналистами...

Афинах...» (выделено мною – А. С.); (4. С. 217).

А.Д. Бутовский привел наиболее полные данные о распределении олимпийских наград в Афинах. **«Всех призов, – писал Бутовский, – было роздано 44. Получили их 34 атлета (16% всего числа участников).** По национальностям и по родам состязаний призы распределяются таким образом: **американцы – 8 человек (36% всего числа американских атлетов) – 11 призов (бег, прыжки, метанье диска, киданье тяжестей, стрельба); греки – 10 человек (9%) – 10 призов (марафонский бег, упражнение на гимнастических кольцах, лазанье по гладкому канату, плавание, стрельба, фехтование, марафонское состязания на велосипедах³²); немцы – 5 человек (23%) – 7 призов (фортурнер общих гимнастических упражнений, упражнения на параллельных брусьях, на горизонтальной перекладине, на деревянной лошади, борьба, лаун-теннис); французы – 3 человека (20%) – 5 призов (фехтование, велосипедные состязания); англичане – 3 человека (23%)³³ – 5 призов (бег, поднимание тяжестей, лаун-теннис); венгерец – 1 чел., 2 приза (плавание); австрийцы – 2 чел., 2 приза (плавание, велосипедные состязания); датчанин – 1 чел., 1 приз (поднимание тяжестей обеими руками); швейцарец – 1 чел., 1 приз (прыжок на деревянной лошади с седельными луками)»** (1. С. 26–27).

Подробнее, чем другие очевидцы, Бутовский описал церемонию награждения и закрытия Олимпиады, посвятил этому VIII раздел книги. «Закрытие игр, – писал Бутовский, – состоялось в стадионе, в среду 3 апреля (ст. ст.; по нов. ст. – 15 апреля – А. С.), с такою же торжественностью, как и открытие. У королевской трибуны, на двух столах, были приготовлены призы для победителей. Вокруг трибуны – атлеты, члены обоих комитетов и все, имевшие какое-либо участие в организации игр. На ступенях амфитеатра – народ, в таком же множестве, как и в самые интересные дни состязаний. Торжество открывается одой на древнегреческом языке, сочиненной для этого случая и произнесенной самим автором, г. Робертсоном, англичанином, живущим в Афинах, в качестве педагога (г. Робертсон жил когда-то в Москве и недурно говорит по-русски). Имена победителей выкликаются громким голосом офицером, исполняющим роль герольда. **Призы раздает им сам король: диплом, серебряная медаль и масличная ветвь из священной когда-то олимпийской рощи. Дипломы и медали, по идее и исполнению, представляют собой настоящие художественные произведения** (выделено мною – А. С.). Некоторым из победителей были выданы тут же ценные предметы, поднесенные обществами их соотечественников и отдельными лицами. В числе этих предметов заслуживает упоминания серебряный кубок, присланный из Парижа членом института Мишелем Бреаль, одним из самых ревностных распространителей идеи олимпийских игр, марафонскому победителю в беге. – **«Я не знаю, – писал Мишель Бреаль, – к какой нации принадлежит победитель. Но, какова бы ни была его национальность, приветствую в нем представителя эллинской традиции»** (выделено мною – А. С.). Имевшие первенство в нескольких родах состязаний получили приз за каждый род состязаний отдельно. Каждый провозглашаемый радушно приветствуется толпой. При произнесении его имени, музыка играет туш. После раздачи призов – опять речи... После речей состоялось торжественное шествие победителей вокруг арены, как бы последнее их представление народу, который в течение полторы недели следил за их состязаниями и которому они решительно стали близкими людьми без различия национальностей. **В заключение король обнял наследника, поздравил его с блестящим результатом его трудов и, когда все успокоилось, торжественно провозгласил «закрытие первой олимпиады»** (выделено мною – А. С.); (1. С. 25).

Из произнесенных по случаю награждения речей, на Бутовского особенно сильное впечатление произвела речь доктора Гебхардта³⁴, которую он привел в своей книге. Речь представителя Германии была содержательной и эмоциональной; отражала, с одной стороны, умонастроения пионеров олимпийской идеи, тех, кто стоял у истоков современных Олимпийских

³²У велосипедистов был свой «марафон»: следовало преодолеть дистанцию: Афины – Марафон – Афины, равную 87 км. Победил А. Константинович – 3 ч. 22 м 31 с.

³³ В число трех англичан был включен и австралиец Флэк.

³⁴ Доктор В. Гебхардт, член МОК для Германии (1895–1909).

игр, с другой, проливали свет на участие Германии в I Олимпийских играх современности. Цитирую А.Д. Бутовского: «...особенно тепло была произнесена немецкая речь, обращенная к наследному принцу, членом международного комитета от Германии, доктором Гебгардтом³⁵. «Вашему высочеству известно, сказал он, между прочим, – о разладе, происшедшем у нас по вопросу об участии Германии в олимпийских играх. **Нам трудно было бороться, но нас поддерживало убеждение, что мы боремся за идею истинного и прекрасного** (выделено мною – А. С.). Может быть, нам еще предстоит еще борьба и по возвращении, но под впечатлением этих идей, мы поведем ее с большим энтузиазмом за идею единства олимпийских игр. **Мы никому не уступим радости этих прекрасных дней. Рассказывая то, что мы видели, мы надеемся всех привлечь к вашим идеям и обеспечить более значительное число немецких атлетов на торжествах второй олимпиады. Мы скажем в Германии много хорошего о греках. Дай Бог, чтобы греки тоже сохранили дружественные чувства к немцам**» (выделено мною – А. С.). При этом доктор Гебгардт поднес наследному принцу венок с греческими и немецкими цветами» (1. С. 25–26).

Обратим внимание и на такой аспект I Олимпийских игр современности. Организаторы Олимпиады в благородном порыве провести Игры как можно лучше, ревниво оставили в тени даже того, кто и был инициатором возрождения Олимпийских игр, зарождения современных Олимпийских игр – Пьера де Кубертена. Конечно, это не прошло мимо внимательного взгляда и анализа Алексея Дмитриевича Бутовского. Освещению этого вопроса он посвятил весь VIII раздел своего труда. В этом разделе Бутовский сослался и на афинскую газету Messenger d'Athenes, в которой отмечалось: «...по поводу успеха олимпийских игр благодарности и поздравления высказывались всем, кроме того, кто был их провозвестником... (многоточие А. Бутовского – А. С.). Воздание должного г. Кубертену, как начинателя дела, несколько не умалило бы заслуг ни г. Филимона, бывшего правой рукой наследного принца, ни других сотрудников его королевского величества» (1. С. 27).

А.Д. Бутовский восполнил этот существенный пробел: познакомил русского читателя с идеей Пьера де Кубертена о возрождении Олимпийских игр, с решениями Атлетического Конгресса в Париже летом 1894 года, единодушно поддержавшего эти идеи; написал о Международном олимпийском комитете и его роли в возрождении Олимпийских игр. **«Весенние афинские празднества, – писал Бутовский, – были последствием решения международного атлетического конгресса. Представителями этого конгресса на играх были члены международного комитета игр** (выделено мною – А. С.). Деятельного участия в ходе афинских торжеств они не принимали. Дело было сделано, игры состоялись, надо было предоставить полную самостоятельность греческому комитету. **Не могу, однако же, умолчать здесь о том, что самое пребывание членов международного комитета в Афинах заставляло членов греческого комитета, даже без всяких к тому поводов, очень ревниво относиться к независимости своих действий. Эта преувеличенная мнительность вносила даже в общее настроение некоторый, хотя и не резкий, но все-таки нежелательный диссонанс. Барона Кубертена, присутствовавшего в Афинах, как будто забыли...**» (1. С. 27).

А.Д. Бутовский осветил деятельность МОК в Афинах. Эти страницы труда А.Д. Бутовского являются бесценным источником для осмысления первоначальной деятельности МОК. «Международный комитет, в составе семи человек, собирался ежедневно, – писал Бутовский, – во-первых, для обсуждения в своей среде, в какой степени совершающиеся игры отвечают намерениям и предположениям международного конгресса; во-вторых, для определения программы своих будущих действий, в особенности по образованию международного союза атлетических обществ, наконец, для определения тех центров, в которых должны иметь место предстоящие олимпийские игры» (1. С. 27–28). А.Д. Бутовский привел «с некоторыми сокращениями», протокол 2-й сессии МОК, которая проходила в Афинах в дни I Олимпиады. Цитирую некоторые строчки из этого уникального документа: **«...Международный комитет отныне будет иметь место своего пребывания в городе, где должны праздноваться бу-**

³⁵ У Бутовского – «Гебгардт»; в современных олимпийских справочниках – «Гехардт».

душие Олимпийские игры, Он будет издавать бюллетень, по возможности, на трех языках: французском, английском и немецком. ...Председатель имеет право созывать международный комитет на заседания, когда найдет это возможным и желательным. Афины, 31 марта (ст. ст. – А. С.) 1896. Председатель Д. Бикела. Главный секретарь Пьер де Кубертен» (выделено мною – А. С.); (1. С. 28).

Текст протокола Бутовский дополнил таким суждением: «Оставляю этот протокол без комментариев и помещаю его здесь только как свидетельство, что организация международного центрального правления олимпийских игр принимает постепенно более законченную форму» (1. С. 29).

Члены Международного комитета собирались на квартире первого президента. «Председательствовал в комитете (как это было предназначено на конгрессе) член от Греции Г. Бикела, – подчеркивал А. Бутовский. – В день же окончания афинских игр председательство принял на себя член от той страны, в которой предназначены следующие игры, т. е. от Франции – барон Пьер де Кубертен» (1. С. 28).

Первому президенту Международного комитета в этой замечательной работе А.Д. Бутовский посвятил специальные строчки, написанные с большой теплотой и симпатией. «Я не исполнил бы своего долга, если бы не посвятил здесь несколько строк нашему уважаемому председателю г. Дмитрию Бикела, – подчеркивал А. Бутовский. – **Человек очень популярный в своем отечестве, он живет, однако же, постоянно в Париже и приехал в Афины только по случаю игр. Ему обязана Греция тем, что первые олимпийские игры состоялись в Афинах** (выделено мною – А. С.). Предложение его было принято сначала неохотно... Бикела нередко приходилось выслушивать упреки в том, что он навязал своему отечеству неблагодарную и рискованную задачу. Но теперь, когда игры прошли с таким успехом, авторитет и популярность его ещё более возвысились. **Человек высокой светской культуры, он был очаровательным председателем и употребил все свои старания, чтобы Афины, и вся Греция представились наилучшими своими сторонами его сочленам** (членам Международного комитета – А. С.). **И он вполне успел в этом. Каждый из нас, вспоминая об афинских днях, наверное, свяжет их с воспоминанием о симпатичной личности г. Бикела. Никто из нас не забудет также, что, главным образом, благодаря ему международный комитет, как корпорация, сразу занял почетное положение среди съехавшихся в Афины гостей, а членам его широко открылись гостеприимные двери афинского общества** (выделено мною – А. С.). Наконец, всякий из нас с удовольствием припомнит и радушный дом г. Бикела, в Университетской улице, где происходили наши собрания и где, благодаря именно задушевности хозяина, мы так легко соединились в дружеский кружок» (1. С. 29–30).

Благодаря этому труду А.Д. Бутовского узнаем и об ответственном секретаре Оргкомитета Афинской Олимпиады; его имя в советской литературе об Олимпийских играх даже не упоминалось. Но именно благодаря активной деятельности секретаря Оргкомитета I Олимпийских игр Олимпиада прошла столь успешно. Вновь цитирую Бутовского: «Рядом с г. Бикела, как лицо, сделавшее всё от него зависящее для того, чтобы игры прошли с подобающим им блеском, должен быть поставлен г. **Тимoleon Филимон, секретарь греческого комитета игр. Необыкновенно деятельный, выдающийся администратор, высокоталантливый оратор, он был как бы тою основною пружиной, которая всё приводила в движение и без которой весь механизм пришел бы в расстройство** (выделено мною – А. С.). И надо отдать ему справедливость, во всем этом им руководило, по-видимому, не личное самолюбие, а горячий патриотизм. «Тебя видели везде спешащим, действующим, убеждающим, советующим, поощряющим, для успеха дела, – сказал ему всенародно один из городских сановников во время заключительного шествия после закрытия игр; мы знаем также твою деятельность в комиссиях под председательством нашего популярного наследника престола... **(многоточие А. Бутовского – А. С.)**. Теперь, взволнованные и растроганные, мы выражаем тебе, присутствующие и отсутствующие, искреннюю и горячую благодарность. К этой благодарности, без сомнения, мысленно присоединяются и все иностранцы, видевшие плоды неутомимой работы г. Тимолеона Филимона» (1. С. 30).

А.Д. Бутовский всесторонне подвел итоги Афинской Олимпиады. И его главный вывод: **«...олимпийские игры прошли с выдающимся, можно сказать, с исключительным успехом»** (1. С. 5).

Цитирую и следующий фрагмент, в котором много добрых слов об Афинской Олимпиаде, выделено главное, что её отличало; в этом фрагменте и блестящий стиль пера Алексея Дмитриевича, и яркость впечатлений об Олимпиаде, Афинах, Греции: **«Игры кончились. Гости уехали, унося с собой хорошие воспоминания об этом новом для нашего времени торжестве, настоящем празднике молодости, об этих светлых весенних днях под южным небом, о гостеприимстве и радушии хозяев** (выделено мною – А. С.). Город принял свой будничный вид. Площади и улицы опустели; только дети продолжают еще забавляться на них воспроизведением марафонского бега и метания диска. Но и хозяева остались вполне удовлетворенными. **Возобновленные олимпийские игры явились для Греции, как бы, откровением** (выделено мною – А. С.). По географическому своему положению и по другим условиям, это маленькое государство стояло до сих пор почти в стороне от международных интересов цивилизованного мира. **И вот, теперь, впервые со времени своей независимости, оно выполнило (хотя и в небольшом деле) международную роль, и выполнило ее с блестящим успехом. Оно сумело достойно принять международных гостей; оно воздвигло для этого торжества монументальные сооружения, классические формы которых сами по себе заставляют соединять в одно представление эти возобновленные игры с славными играми древней Греции; наконец, эта маленькая страна дала такое число атлетов, какое не дало ни одно государство, и эти атлеты оказались победителями в самых трудных и рискованных упражнениях. Понятно, какое это должно было вызвать удовлетворение, какой подъем патриотического чувства** (выделено мною – А. С.). Потом, эти международные игры сделали еще одно дело. Они дали возможность народу воочию видеть, с каким сердечным интересом, с каким участием трудились для этого народного дела члены королевской семьи. Во все продолжение игр лица эти были постоянно на виду у народа, жили одною с ним жизнью. Понятно, как это должно было способствовать сближению королевского дома с народом, способствовать подъему популярности королевских принцев и самого главы королевского дома» (1. С. 31).

А.Д. Бутовский особо подчеркнул воспитательное значение Олимпийских игр, их интегративную роль. Отметим: Алексей Бутовский один из первых уловил и оценил интегративное значение спорта; об этой важной роли спорта писал в пору, когда противников спорта было куда больше, чем сторонников. **«Ничто так не сближает людей, – подчеркивал Бутовский, – как известные физические упражнения. В этом отношении международные игры – воспитательное учреждение. Тут сглаживаются все племенные, национальные и партийные различия, тут все обращаются друг к другу с открытою и благорасположенною душой»** (выделено мною – А. С.); (1. С. 22).

На заключительной странице А.Д. Бутовский вновь воздает должное всем причастным к I Олимпиаде современности: **«... идея международных игр была счастливою идеей. Она ответила насущной потребности современного человечества, потребности физического и нравственного возрождения молодого поколения** (выделено мною – А.С.). Признаем же долю заслуги на пользу этого дела и за молодым французским деятелем, бароном де Кубертеном, который первый выдвинул идею международных состязаний на парижском конгрессе 1894 года, и за конгрессом, который единодушно принял эту идею, и, наконец, за греческим правительством, которое взяло на себя трудную задачу осуществления этой не популярной еще в то время идеи и выполнило эту задачу с таким выдающимся успехом» (1. С. 33).

Показательно: выводы Алексея Бутовского созвучны выводам Пьера де Кубертена. **«Идея возрождения Олимпийских игр не была фантазией, – подчеркивал Пьер де Кубертен, – это было логическим завершением большого движения»**³⁶.

(Продолжение следует...)

³⁶Цитировано по: «Как все начиналось». – «Спорт за рубежом», 1968, № 4 (Отрывок из брошюры Пьера де Кубертена «Олимпийские игры 776 г. до нашей эры – 1896 года», изданной в Париже в 1896 г.).

Список литературы

1. Бутовский А. Д. Афины весной 1896 года. – Отдельный оттиск из «Русского обозрения». – М., 1896. – 33 с. (На следующей, после титула, странице указано: Дозволено цензурой. Москва, декабря 18 дня 1896 г.).
2. Велосипед. – 1896. – № 212. – 27 апр. – С. 247.
3. Киевлянин. – 1896. – № 86. – 28 марта. – С. 4.
4. Короновский В. Н. Первые международные Олимпийские игры и русский спорт : материалы и воспоминания / В. Н. Короновский // Теория и практика физической культуры. – 1925. – № 5. – С. 215–235.
5. Олимпийские игры в Афинах // Велосипед. – 1896. – № 209. – 6 апр. – С. 202.; Конец Олимпийских игр // Велосипед. – 1896. – № 212. – 27 апр. – С. 247–248.
6. Суник А.Б. Зарождение международного олимпийского движения и российская пресса / А.Б. Суник // Теория и практика физической культуры. – 1996. – № 10 – С. 8–15.
7. Суник А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков / Суник Александр. – М. : Советский спорт, 2001. – 664 с.
8. Суник А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков / Суник Александр – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Советский спорт, 2004. – 764 с. : ил.
9. Харьковские Губернские Ведомости. – 1896. – № 92. – 10 апр. – 1896. – № 93. – 11 апр.
10. Харьковские Губернские Ведомости. – 1896 г. – № 92. – 10 апр.
11. Полный послужной список А.Д. Бутовского. – ЦГВИА, фонд 400, опись 12, ед. хр. 23656, л. 104–114.
12. Стенограмма и другие материалы I Международного Атлетического конгресса в Париже 16 – 23 июня 1894 года.
13. Олимпийский музей МОК
14. Pierre de Coubertin. Memories Olympiques / Pierre de Coubertin. – Lauzanne, 1931. – 218 p.

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БУТОВСКИЙ

Александр СУНИК

*Международное общество олимпийских историков
(ISOH), Ульм, Германия*

Аннотация. Предлагаемый читателю текст посвящен Алексею Дмитриевичу Бутовскому – пионеру российского и украинского спортивного и олимпийского движения. В статье освещены основные вехи жизни и деятельности А.Д. Бутовского; охарактеризованы его труды, посвященные историческим, теоретическим, педагогическим проблемам физического воспитания, гимнастики, спорта; истории зарождения современных Олимпийских игр и международного олимпийского движения; освещена деятельность по подготовке офицерских кадров в сфере телесного воспитания; освещается роль А.Д. Бутовского в зарождении отечественной науки о физическом воспитании, гимнастике, спорте.

Акцентируется внимание читателя на факте знакомства А.Д. Бутовского с Пьером де Кубертенем. Впервые в историографии об А.Д. Бутовском приведены суждения о том, как это знакомство сказалось на их личных судьбах.

Источниковая основа работы – прижизненные труды А.Д. Бутовского; принципиально важный источник – «Олимпийские мемуары» Пьера де Кубертена.

В качестве источников использована периодическая печать: частично общая; преимущественно: педагогической и физкультурно-спортивной направленности, издававшаяся на рубеже XIX – XX веков в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове.

Использованы архивные материалы и документы, хранящиеся в Центральном военно-историческом архиве – ЦГВИА (Москва)³⁷. Использованы также архивы «Олимпийского музея МОК» в Лозанне.

Ключевые слова: Бутовский, персоналия, Кубертен, спорт, олимпийское движение.

ALEKSEY DMITRIEVICH BUTOVSKIY

Aleksandr SUNIK

*International Society of Olympic Historians,
Ulm, Germany*

Abstract. The article is dedicated to Aleksey Dmitrievich Butovsky – a pioneer of Russian and Ukrainian sport and Olympic movement. The article outlines the key facts of his life and work. His proceedings dedicated to the historic, theoretic and pedagogical problems of physical education, gymnastics and sports as well as history of Olympic Games development and international Olympic movement have been described. The work in officer personnel training as well as in physical education science, gymnastic and sport origin in our country has been described. Special attention has been given to the meeting of Butovsky with Pierre de Coubertin. For the first time in historiography there have been expressed thoughts about the effect the meeting had on their lives.

The sources used in the research are life-time works of Butovsky; Olympic memoirs of Pierre de Coubertin are of great importance.

We have also referred to periodical press: partially general, mainly of pedagogic and sport nature, that was issued in XIX-XX centuries in St. Petersburg, Moscow, Kiev, Kharkiv.

There were also used the archival facts and documents stored in Central military archive (Moscow). There have also been used the archives of IOC Olympic museum (Lausanne).

Keywords: Butovsky, personal, Coubertin, sport, Olympic movement.

References

1. *Butovskij A.D. Afiny vesnoj 1896 goda [Athens in the spring of 1896]. – Otdel'nyj ottisk iz «Russkogo obozrenija». – M., 1896. – 33 s. (Na sledujushhej, posle titula, stranice ukazano: Dozvoleno cenzuroj. Moskva, dekabnja 18 dnja 1896 g.). (Rus.)*
2. Velosiped [Bicycle]. – 1896. – № 212. – 27 apr. – S. 247. (Rus.)
3. Kievljanin [A resident of the Kyiv]. – 1896. – № 86. – 28 marta. – S. 4. (Rus.)
4. *Koronovskij V.N. Pervye mezhdunarodnye Olimpijskie igry i russkij sport: materialy i vospominanija [The first international Olympic Games and the Russian sport: materials and memories] // Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury [Theory and Practice of Physical Culture]. – 1925. – № 5. – S. 215–235. (Rus.)*
5. *Olimpijskie igry v Afinah [The Olympic Games in Athens] // Velosiped [Bicycle]. – 1896. – № 209. – 6 apr. – S. 202. ; Konec Olimpijskih igr [The end of the Olympic Games] // Velosiped. – 1896. – № 212. – 27 apr. – S. 247–248. (Rus.)*
6. *Sunik A.B. Zarozhdenie mezhdunarodnogo olimpijskogo dvizhenija i rossijskaja pressa [The birth of the international Olympic movement and the Russian press] // Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury [Theory and Practice of Physical Culture]. – 1996. – № 10 – S. 8–15. (Rus.)*

³⁷ Ныне – Государственный военно-исторический архив.

7. *Sunik A.* Rossijskij sport i olimpijskoe dvizhenie na rubezhe XIX–XX vekov [Russian sports and the Olympic movement at the turn of XIX-XX centuries]. – M. : Sovetskij sport, 2001. – 664 s. (*Rus.*)
8. *Sunik A.* Rossijskij sport i olimpijskoe dvizhenie na rubezhe XIX–XX vekov [Russian sports and the Olympic movement at the turn of XIX-XX centuries]. – izd. 2-e, ispr. i dop. – M. : Sovetskij sport, 2004. – 764 s. : il. (*Rus.*)
9. Har'kovskie Gubernskie Vedomosti [Kharkov Provincial Gazette]. – 1896. – № 92. – 10 apr. – 1896. – № 93. – 11 apr. (*Rus.*)
10. Har'kovskie Gubernskie Vedomosti [Kharkov Provincial Gazette]. – 1896 g. – № 92. – 10 apr. (*Rus.*)
11. Polnyj poslužnoj spisok A.D. Butovskogo [A.D. Butovski complete track record]. – CGVIA, fond 400, opis' 12, ed. hr. 23656, l. 104–114. (*Rus.*)
12. Stenogramma i drugie materialy I Mezhdunarodnogo Atletičeskogo kongressa v Parizhe 16 – 23 ijunja 1894 goda [Shorthand record and other materials of the First International Athletic Congress in Paris on 16 – 23 June 1894.]. (*Rus.*)
13. Olimpijskij muzej MOK [IOC Olympic Museum]. (*Rus.*)
14. Pierre de Coubertin. Memories Olympiyues. – Lauzanne, 1931. – 218 p.

Стаття надійшла до редколегії 08.06.2013